

Из подготовительных работ по „Истории Октябрьской революции“.

Я. А. Яковлев.

Борьба за 8-часовой рабочий день.

Меньшевики еще в 1905 году обвиняли большевиков и рабочие массы в том, что своей борьбой за 8-часовой рабочий день они пугали и отпугивали от революции русских буржуа и либералов. Соответственно этому, соответственно своим взглядам на революцию меньшевики попытались было поставить этот вопрос в февральские дни. И в Питере и в Москве они попытались немедленно после первых дней революции призвать рабочий класс к переходу к очередным делам. Они пытались прекратить рабочую стачку с тем, чтобы остановиться на уже завоеванных политических позициях и перейти к вопросам организационного строительства. Но рабочие, которые, как мы видели, к политической стачке пришли, в значительной степени, от стачки экономической, — при этом вопросы экономической и политической борьбы неразрывно переплетались, — не были согласны сделать ту остановку, к которой звали меньшевистские вожди.

5 марта Исполнительный Комитет Петроградского Совета уже признал желательным восстановление работ в Петрограде и прекращение забастовки. В тот же день по поручению Исполнительного Комитета Совета Чхеидзе провел соответствующее решение в Пленуме Петроградского Совета большинством 1170 голосов против 30. Шестого марта по тому же пути пошел и Московский Совет, призвав рабочих к прекращению стачки и к политическому и профессиональному строительству. В своем воззвании от 6 марта, Московский Совет рассматривает вопрос о 8-час рабочем дне, как вопрос, в котором победа может быть достигнута только в итоге длительной органической борьбы.

Совершенно правильный лозунг организации рабочих масс здесь отрывается от насущнейших интересов самих рабочих, не связывается с теми экономическими требованиями, которые подготовлялись десятилетиями и которые февральской революцией сразу были выдвинуты как требования текущего дня. Меньшевистская схема революции, отрывавшая организацию от вопроса непосредственной борьбы рабочих за улучшение своего положения,

проявляет себе здесь целиком, — и это в то время, когда весь опыт 1905 года показал, что организация рабочего класса может расти и растет только в борьбе, в процессе борьбы, вокруг вопросов, непосредственно затрагивающих интересы сотен тысяч и миллионов. Как в Петрограде, так и в Москве, а затем и во всей провинции рабочие не прекращали стачки. Советы призывали рабочих к возобновлению работ, объявляли стачку законченной, а рабочие продолжали бастовать и стихийно выдвигали свои требования и, в первую очередь, требование немедленного введения 8-час. рабочего дня.

7 марта Петроградский Комитет большевиков предлагает Исполнительному Комитету Петроградского Совета провести: «немедленно декретом 8-часовой рабочий день во всех областях труда».

В этом постановлении партия большевиков, как единственная рабочая партия, четко формулировала требования подавляющего большинства петроградских рабочих. Напуганное поднимающейся волной рабочего движения петроградское общество фабрикантов и заводчиков пытается успокоить рабочих временной уступкой в этом вопросе, и само входит в Исполнительный Комитет Совета с предложением об введении 8-часового рабочего дня в Петрограде.

Таким образом петроградские фабриканты и заводчики здесь проявили больше способности объективно оценить положение и сделать из него соответствующие выводы, чем сами меньшевистские лидеры. 10 марта между Петроградским Советом и петроградским обществом фабрикантов и заводчиков заключается соглашение, по которому 8-часовой рабочий день вводится «впредь до издания закона о нормировке рабочего дня».

Тем же самым соглашением на всех заводах и фабриках допускаются фабрично-заводские комитеты и примирительные камеры. В самой формулировке о введении 8-часового рабочего дня впредь до издания общего закона было скрыто истинное намерение предпринимателей путем дальнейшей законодательной нормировки рабочего дня добиться отмены 8-час. рабочего дня. Формулировка, гласившая об учреждении фабрично-заводских комитетов, представляла собой только негодное прикрытие того факта, что они были самочинно учреждены рабочими в момент февраля почти на всех предприятиях Питера, а заводчикам, фабрикантам и меньшевикам задним числом оставалось зарегистрировать этот факт, одновременно пытаясь приписать себе их «учреждение». Приписывая себе учреждение фабрично-заводских комитетов, предприниматели вместе с представителями Совета, одновременно пытаются свести деятельность фабрично-заводских комитетов к представительству рабочих в их сношениях с правительственными, общественными учреждениями и предпринимателями, без предоставления им каких бы то ни было действительных прав.

Пунктом о примирительных камерах они пытаются ввести растущее рабочее движение в рамки соглашений в таких комиссиях, где паритетно участвовали бы предприниматели, с одной стороны, и меньшевистские лидеры рабочих, с другой.

Истинные свои намерения и предположения представители с полной ясностью вскрывают уже 16 марта на совещании у министра торговли и промышленности Коновалова. Представитель Петроградского общества фабрикантов и заводчиков, Эфрон, ознакомил собрание с соглашением о введении 8-час. рабочего дня и вместе с тем указал, что вопрос этот отнюдь не является русским вопросом и что достигнутое в Петрограде соглашение является лишь временной уступкой.

«Торгово-Промышленная Газета» 17 марта сообщила об этом прямо: «Все ораторы, с которыми согласился министр торговли, признали, что сокращение работы и производительности заводов и впредь совершенно недопустимо, так как это убьет страну. Этот министр Коновалов, которого несколько дней назад на заседании Центрального Военно-Промышленного Комитета представители торговцев, промышленников и банкиров приветствовали как одного из достойнейших сынов торгово-промышленной России, которому «по-купчески» низко кланялись представители буржуа, не обманул возложенных на него надежд. Он в заключение совещания 16 марта успокоил собравшихся своим авторитетным заявлением о том, что вопрос о 8-час. рабочем дне «должен послужить предметом осторожной и внимательной политики».

Первый Всероссийский Торгово-Промышленный Съезд, собравший до 1.000 представителей торгово-промышленных организаций, устами приветствовавшего съезд Рябушинского, лидера коренной великорусской буржуазии, заявил, что вопрос о 8-час. рабочем дне нельзя разрешать в условиях, когда производительность труда очень низка. А непосредственно перед этим съезд московских предпринимателей в своем постановлении 14 марта высказался против сращения 8-час. рабочего дня под предлогом, что он «не может быть рассматриваем, как вопрос взаимного соглашения между предпринимателем и рабочим, так как он имеет значение государственное».

Но не только в Петрограде, но и в Москве, не только в Москве, но и во всей провинции жизнь шла мимо резолюций, решений и жалоб предпринимателей, мимо их соображений о возможности только общегосударственного решения этого вопроса, мимо меньшевистских попыток задержаться на позициях 28 февраля.

Одержав крупную политическую победу 28 февраля и 1 марта, одним ударом разрешив вопрос, который не могли решить месяцы и годы первой российской революции, рабочие таким же ударом решали и решили вопрос о 8-час. рабочем дне.

Стачка политическая, в последние дни февраля выросшая в значительной степени из стачки экономической, немедленно перерастает снова в такую экономическую стачку, с которой не могли справиться ни предприниматели, ни одушевленные своей схемой революции меньшевики. Москва это показывает особенно четко.

Московский Совет сопротивлялся введению 8-час. рабочего дня дольше Питерского. И в Москве действительный характер развернувшейся борьбы именно поэтому вскрылся с большей ясностью, чем в Питере. Доклады пред-

ставителей районов на заседании Московского Совета 21 марта показывают, как рабочие осуществляли 8-часовой рабочий день явочным порядком, вопреки отказу фабрикантов и заводчиков и вопреки вольтинке меньшевистских лидеров. Эти доклады показывают, что на 21 марта явочным порядком уже ввели 8-час. рабочий день или полностью, или в значительной части районы: Басманный, Благушинский, Лефортовский, Пресненский, Замоскворецкий. Ждут же решения Совета (не предпринимателей, а именно Совета), готовясь, в случае отказа Совета, самостоятельно его декретировать, районы: Хамовнический, Сокольнический, Бутырский, Центрально-Рогожский и Симонковский. Представитель Басманного подрайона сообщил, что большая часть крупных заводов ввела уже 8 час. рабочий день явочным порядком, остальные же решили его ввести таковым же порядком. Заводы Благушинского района, хотя районное собрание решило выжидать постановления Совета, ввели 8-час. рабочий день, вступая в местное соглашение с администрацией: «при отрицательном решении Совета этого вопроса постановлено ввести его явочным порядком».

В Лефортовском районе, объединяющем 30 тысяч рабочих, часть фабрик и заводов ввела 8-часовой рабочий день. Даже явочным порядком, часть ждет постановления Совета.

Треть фабрик Краснопресненского района ввела 8-час. рабочий день, а «остальная часть с трудом удерживается членами Совета Рабочих Депутатов, пока этот вопрос не будет решен Советом».

Представители отдельных предприятий Замоскворецкого района иллюстрируют рядом отдельных фактов то, как отстал Совет от рабочих масс.

Представитель завода Густав Лист сообщает, что «рабочие не могут им простить прекращения политической забастовки до введения 8-часового рабочего дня».

Представитель завода Михельсон, требуя, чтобы Совет санкционировал введение 8-час. рабочего дня, сообщает, что по мнению рабочих «Совет Рабочих Депутатов отстает от событий революции».

И даже представитель Сытинских рабочих, где меньшевистская традиция и меньшевистская организация были наиболее крепкими, сообщает, как, с одной стороны, рабочие решили ждать постановления Совета, а с другой — решили приступить к проведению 8-час. рабочего дня в жизнь немедленно.

Так было в районах, где явочный порядок уже победил.

В районах же, где рабочие еще ждут, это ожидание по своей сути мало чем отличается от фактического введения 8-час. раб. дня явочным порядком. Так, представитель Хамовнического района, сообщая о том, что общество типографов мотивирует свой отказ от немедленного введения 8-час. раб. дня позицией Московского Совета, считает, что отрицательное решение Советом этого вопроса «страшно подорвет авторитет его». При этом этот же представитель докладывает, что все равно «введение 8-час. раб. дня уже предрешено» рабочими его района.

Аналогичные сообщения делают представители и Сокольнического и Бутырского районов, указывая, что малейшее промедление со стороны Совета